

Пролог

Люди были встревожены. Синтара ощущала их мечущиеся, жалающие мысли, словно рой кусачих насекомых. И как этот вид вообще ухитрился выжить, не умея держать при себе то, что они думают и ощущают? И что самое смешное, выплескивать свои жалкие фантазии люди горазды, а вот слышать других вовсе не умеют. Так и живут свой недолгий век, недопонимая соплеменников — да и всех прочих существ. Когда Синтара поняла, что люди только и могут, что издавать ртами шум, а затем угадывать, что подразумевал собеседник под ответными звуками, она пришла в ужас. А они зовут это «беседой».

Синтара ненадолго перестала отгораживаться от шквала их писков и попыталась определить, что же взволновало драконьих хранителей на этот раз. Как обычно, их тревоги сами себе противоречили. Несколько человек беспокоились из-за нездоровья медной драконицы. Не то чтобы они могли ей чем-то помочь — так к чему суетиться попусту, вместо того чтобы исполнять свои обязанности перед другими драконами? Синтара вот голодна, а никто еще не принес ей даже заваливающей рыбки.

Она бесцельно брела вдоль реки. Смотреть тут было не на что — полоска грязной земли, камыши и одно-два чахлах деревца. Тусклое солнце озаряло спину Синтары, но почти не грело. Дичи на берегу не водилось никакой. В реке, возможно, плескалась рыба, однако поймать ее непросто, а съешь — и не заметишь. Вот если бы кто другой ее добыл...

Может, отправить на охоту Тимару? Из подслушанного у хранителей выходило, что отряд собрался торчать на этом

позабытом богами клочке земли до тех пор, пока медная драконица не поправится или не умрет. Если все же умрет, дракона, который первым доберется до тела, ждет отменная трапеза. И будет им Меркор, с горечью заключила Синтара. Золотистый не спускал с больной глаз. Судя по всему, он подозревал, будто Медной что-то угрожает, однако пока что не хотел делиться своими подозрениями ни с драконами, ни с хранителями. Уже одно это вселяло в Синтару беспокойство.

Она прямо спросила бы Меркора, чего он опасается, если бы не была на него так зла. Золотистый, без малейшего повода с ее стороны, открыл хранителям ее истинное имя. И не только Тимаре и Элис, принадлежавшим ей, хотя и это уже было бы скверно. Но нет, он раструбил ее имя всем, будто собственное. То, что сам Меркор и большинство других драконов решили представиться хранителям, ничего не значило для Синтары — если они настолько глупы и доверчивы, их дело. Она же не вклинивается между Меркором и его хранительницей. Так почему же золотистый так бесцеремонно лезет в их взаимоотношения с Тимарой? Теперь та знает истинное имя Синтары, и остается лишь надеяться, что девчонка понятия не имеет, как им можно воспользоваться. Ни один дракон не способен солгать тому, кто потребует от него правды его собственным именем или подобающе обратится с вопросом. Отказаться отвечать он может, но не солгать. И ни один дракон не сумеет нарушить уговор, если заключил его от своего истинного имени. Меркор вручил непомерную власть человеку, чей век не дольше рыбьего.

Синтара отыскала на берегу прогалинку, опустила на нагретые солнцем камни, прикрыла глаза и вздохнула. Может, вздремнуть? Нет, пожалуй, не стоит. В отдыхе на холодной земле нет ничего хорошего.

Драконица нехотя снова впустила в сознание чужие мысли, пытаясь понять, что затеяли люди. Кто-то скулил по поводу крови на своих руках. Старшая из ее хранительниц тонула в пучине переживаний, решая, следует ли ей вернуться домой, к постылой жизни с мужем, или же спариться с капитаном баркаса. Синтара раздраженно фыркнула. О чем тут вообще

размышлять? Элис изводится из-за таких пустяков. Какая разница, что она предпочтет! Все равно что гадать, куда сядет муха. Век людей смехотворно короток. Должно быть, именно поэтому они производят столько шума при жизни. Наверно, иначе им не убедить друг друга в собственной значимости.

Драконы, конечно, тоже издают звуки, однако не нуждаются в них для передачи мыслей. Рев и речь полезны, если приходится перекрывать людской гам, чтобы привлечь внимание другого дракона. Крик потребен, чтобы заставить множество людей сосредоточиться на мысли, которую пытается донести до них дракон. Синтару не так сильно возмущали бы человечесьи звуки, если бы этот писк неизменно не сопровождался неудержимым мысленным потоком. Порой из-за такого вот двойного раздражения Синтара жалела, что не может съесть их всех и покончить с шумом раз и навсегда.

Она утробно заворчала, выплескивая досаду. Люди — ничемные и надоедливые существа, и все же судьба принудила драконов положиться на них. Когда они вышли из своих коконов, пробудившись после превращения из морских змей в драконов, то оказались в мире, ничуть не похожем на их воспоминания. С тех пор как драконы последний раз ступали по земле, прошли не десятки, но сотни лет. И вместо того чтобы возродиться способными к полету, они вышли из коконов скверными насмешками над собственной природой и тут же увязли в топком речном берегу на краю непроходимых, заболоченных лесов. Люди с неохотой помогали им — приносили мясо и терпели присутствие драконов, дожидаясь, пока те вымрут или же наберутся сил, чтобы уйти. И драконы страдали и голодали многие годы (пищи едва хватало, чтобы не протянуть ноги), заточенные между лесом и рекой.

А потом Меркор нашел выход. Золотистый дракон сочинил легенду о полузабытом городе древнего народа, о несметных сокровищах, которые наверняка таятся там до сих пор и только и ждут, чтобы их отыскали. И драконов ничуть не смущало, что правдивым было лишь воспоминание о Кельсингре, городе Старших, достаточно просторном, чтобы и драконы в нем

чувствовали себя как дома. Если даже все сверкающие богатства — лишь выдумка, приманка для людей, то и ладно.

И вот ловушка была поставлена, слухи разошлись, и некоторое время спустя люди предложили драконам помощь, если те отправятся на поиски древнего города Кельсингры. Была организована экспедиция, с баркасом и лодками, охотниками, чтобы добывать для драконов пищу, и хранителями, чтобы заботиться о них всю дорогу вверх по реке, до города, который они отчетливо вспоминали только во сне. Нечистые на руку купчишки, правящие в Трехоге, конечно же, дали им не лучших провожатых. Чтобы обеспечивать мясом полтора десятка драконов, они наняли всего двоих настоящих охотников. А «хранители», отобранные Советом торговцев, оказались по большей части выбракованными подростками, которым не полагалось выживать и размножаться. Все они щеголяли чешуей и наростами — отметинами, оскорбляющими взгляды жителей Дождевых чащоб. Лучшее, что можно сказать о хранителях, — в основном они были послушны и прилежны в заботе о драконах. Однако они совершенно не помнили своих прародителей и мчались по жизни, обладая лишь теми скудными познаниями о мире, какие успели накопить за свое краткое существование. Общаться с ними было затруднительно, хоть Синтара и не пыталась вести высокоумные беседы. Даже такой простой приказ, как «принеси мне мяса», обычно вызывал в ответ нытье о том, как трудно найти дичь, и глупые вопросы вроде: «Разве ты не ела всего пару часов назад?», будто эти слова могли заставить ее умерить аппетиты.

Синтара единственная из всех драконов предусмотрительно вытребовала себе сразу двух прислужниц. Та, что постарше, Элис, была скверной охотницей, но зато с рвением, пусть и не со знанием дела, чистила ее и держалась с подобающей почтительностью. Младшая, Тимара, была лучшей охотницей среди хранителей, однако ее портили несдержанность и дерзость. Тем не менее, раз уж хранительниц двое, кто-нибудь из них всегда будет на подхвате, по крайней мере насколько хватит их быстротечных жизней. Драконица надеялась, что ее люди протянут подольше.

Почти целый месяц они тащились вверх по реке, держась мелководья вдоль заросших берегов. Путь по суше преграждали непролазные дебри, заплетенные лианами и ползучими растениями, почва топорщилась корнями, и дракону негде было пройти. Охотники рыскали впереди, хранители двигались следом на маленьких лодках, а последним шел Смоляной, длинный, низкий речной баркас, от которого сильно пахло драконами и магией. Меркора очень заинтересовал этот так называемый живой корабль. Многие драконы, включая Синтару, сочли присутствие баркаса неуместным и едва ли не оскорбительным. Корпус корабля был построен из диводрева — на самом деле вовсе не дерева, а кокона умершей морской змеи. Эта «древесина» крайне прочна и не пропускает влагу. Люди высоко ее ценят. Но для драконов она так и разит драконьей плотью и памятью. Когда морской змей строит кокон, чтобы превратиться в дракона, он пережевывает особую глину и песок, сдабривая их своей слюной и воспоминаниями, а затем отрыгивает. И эта «древесина» обладает своего рода разумом. Нарисованные глаза баркаса, на взгляд Синтары, были чересчур осмысленными, и Смоляной слишком легко для обычного корабля шел вверх по реке, против течения. Драконница держалась подальше от баркаса и почти не разговаривала с его капитаном. Да тот и сам не выказывал особого желания общаться с драконами. На миг эта мысль задержалась в голове Синтары. С чего бы капитану их сторониться? В отличие от многих, он, похоже, ничуть не боялся драконов.

И не питал к ним отвращения. Синтара вспомнила о Седрике и презрительно фыркнула. Суетливый типчик из Удачного повсюду таскался за Элис, носил ее бумагу и перья, зарисовывал драконов и записывал обрывки сведений, которые сообщала ему хранильница. Он оказался настолько тупоумным, что не понимал ни слова, когда драконы с ним разговаривали. Речь Синтары он воспринимал как «животные звуки» и имел наглость сравнивать с мычаньем коровы! Нет, у капитана Лефтрина нет ничего общего с Седриком. Он не глух к словам драконов и явно не считает, будто они не заслуживают внимания. Так почему же он избегает их? Может, он что-то скрывает?

Что ж, он глуп, если надеется что-то скрыть от дракона. Синтара отмахнулась от мимолетной тревоги. Драконы способны раскопать человеческие мысли так же легко, как ворона — кучу навоза. Если у Лефтрина или кого-то еще из людей имеются тайны, пусть держатся за них. Люди живут так недолго, что близкое знакомство с ними не стоит траты сил. Вот Старшие, те в древние времена были достойными товарищами драконам. Они жили гораздо дольше людей и были достаточно умны, чтобы слагать стихи и песни, прославляющие драконов. В мудрости своей они строили общественные здания и даже некоторые, самые роскошные, из дворцов так, чтобы там было уютно гостю-дракону. Память предков рассказывала Синтаре о тучной скотине, о теплых убежищах, привечавших драконов в зимнюю пору, о купальнях с душистыми маслами, которые успокаивали зуд под чешуей, и прочих предупредительных любезностях, придуманных Старшими для драконов. Как жаль, что их больше не осталось в этом мире. Очень жаль.

Драконница попыталась представить Тимару Старшей, но ничего не вышло. Юной хранительнице недостает подобающего отношения к драконам. Она непочтительна, угрюма и слишком увлечена собственным мимолетным существованием. Тимара сильна духом, но не умеет использовать эту силу. Вторая хранительница, Элис, подходит еще меньше. Даже сейчас Синтара ощущала ее затаенные сомнения и страдания. Женщины Старших хотя бы отчасти разделяли решительность и страстность драконьих королев. Интересно, выйдет ли что из ее хранительниц? — задумалась Синтара. Что нужно, чтобы их подстегнуть, испытать их нрав? Стоит ли тратить силы, чтобы выяснить, из какого теста слеплены эти женщины?

Что-то кольнуло Синтару в бок. Она нехотя открыла глаза и подняла голову. Перекатилась на лапы, встряхнулась и снова легла. Когда драконница уже опускала голову, ее внимание привлекло движение в высоком камыше. Дичь? Она присмотрелась. Нет — всего лишь двое хранителей, пробирающихся с берега в лес. Синтара их узнала. Девушка, Джерд, ухаживает за Верас. Прислужница зеленой довольно рослая для человеческой самки, с короткой щетиной светлых волос. Тимара ее недолюбливает. Синтара знала об этом, но не задумывалась

о причинах. С ней был Грефт. Драконица тихонько фыркнула. Этого человека она едва терпела. Может, он и хорошо ухаживает за черно-синим драконом, и начищает его чешую до блеска, но даже сам Кало не доверяет своему хранителю. Все драконы относятся к нему настороженно. А вот Тимара разрывается между интересом и страхом. Девушку влечет к нему — и раздражает это влечение.

Синтара принюхалась к ветру, уловила запахи удаляющихся хранителей и прикрыла глаза. Она поняла, что они задумали.

Ей в голову пришла занятная мысль. Она внезапно нашла способ испытать свою хранительницу, только вот стоит ли растрачивать силы? Может быть... А может, и нет. Драконица снова растянулась на чуть теплых камнях, сокрушаясь, что это не согретый солнцем песок. И принялась ждать.

*Пятый день месяца Молитв,
шестой год Вольного союза торговцев
От Эрека, смотрителя голубятни в Удачном, — Детози,
смотрительнице голубятни в Трехоге*

Послание торговца Полона Мельдара Седрику Мельдару, в котором спрашивается, все ли у того благополучно и когда ожидать его возвращения.

Детози, похоже, кое-кого беспокоит судьба неких жителей Удачного, направлявшихся в Кассарик, но, по-видимому, уехавших куда-то дальше. Двое встревоженных родителей сегодня заходили ко мне порознь, обещая награду за скорые вести. Я помню, что ты не в лучших отношениях со смотрителем голубятни в Кассарике, но, может, все-таки выяснишь у него, что слышно о Седрике Мельдаре или Элис Кинкаррон-Финбок. Муж этой Финбок происходит из состоятельной семьи, и добрые вести, возможно, будут щедро вознаграждены.

Эрек

Глава 1

ПОДОЗРЕНИЯ

Чавкающая серая грязь липла к ее сапогам, мешая идти. Лефтрин впереди шагал к сгрудившимся драконьим хранителям и все сильнее отдалялся от Элис, увязшей в топкой почве.

— Метафора всей моей жизни, — сердито пробормотала та и решительно ускорила шаг.

Мигом позже ей подумалось, что еще несколько недель назад она сочла бы подобную прогулку по берегу не только малость авантюрной, но и чрезвычайно трудной задачей. Теперь же она видела перед собой всего-навсего лужу вязкой грязи, вполне преодолимую.

— Я меняюсь, — сказала себе Элис и вздрогнула, ощутив согласие Небозевницы.

Ты слушаешь все мои мысли? — спросила она драконицу, но ответа не получила.

Интересно, знает ли драконица о ее симпатии к Лефтрину и подробностях ее несчастливого брака? Лучше не думать на эти темы, чтобы не пускать Небозевницу в личную жизнь. Хотя все равно ведь ничего не получится... Неудивительно, что драконы такого низкого мнения о нас, если им доступны все наши мысли.

Уверяю тебя, по большей части ваши мысли кажутся нам настолько скучными, что мы не трудимся давать им оценку, — раздался прямо в мозгу ответ Небозевницы, а затем драконица с горечью прибавила: — Мое истинное имя — Синтара. Почему бы и тебе его не узнать, раз уж Меркор разболтал его всем остальным.

Как же это было восхитительно — общаться напрямую, разум с разумом, с таким поразительным существом!

Я так счастлива узнать твое истинное имя, — отважилась подольститься Элис. — Синтара... Его великолепие воистину соответствует твоей красоте.

Ответом ей было гробовое молчание. Синтара не пропустила ее слова мимо ушей, просто не сочла нужным ответить.

Что случилось с коричневым драконом? — попыталась сгладить неловкость вопросом Элис. — Он болен?

Медная вышла такой из кокона. Удивительно, что она вообще дожила до этого дня, — равнодушно отозвалась Синтара.

Она?

Перестань мне так громко думать!

Элис едва удержалась от того, чтобы мысленно извиниться. Скорее всего, это лишь еще сильнее досадит драконице. А она уже почти нагнала Лефтрина. Толпа хранителей, собравшихся вокруг коричневого дракона, теперь расходилась. Когда Элис поравнялась с капитаном, на страже остались только большой золотистый дракон и его хранительница, девочка с розовой чешуей. Когда Элис подошла, дракон поднял голову и взглянул на нее сияющими черными глазами. Она почти физически ощутила толчок его взгляда. Лефтрин резко обернулся к Элис.

— Меркор хочет, чтобы мы оставили коричневого в покое, — сообщил капитан.

— Но... но вдруг бедняжке понадобится наша помощь? Кто-нибудь уже выяснил, что с ним такое? Или, может, с ней?

Что, если Синтара ошиблась или просто подшутила над Элис?

Золотистый дракон впервые обратился к ней напрямую. Его звучный, словно колокол, голос отозвался эхом у нее в груди, а разум заполнили мысли дракона:

— Релпду пожирают изнутри паразиты, а еще на нее напал хищник. Я сторожу ее, чтобы никто не забывал: драконы — драконья забота!

— Хищник? — ужаснулась Элис.

— Уходи! — резко бросил ей Меркор. — Это тебя не касается.

— Давай прогуляемся, — решительно сказал Лефтрин.

Капитан хотел предложить Элис руку, но вдруг отстранился. Ее сердце сжалось. Седрик постарался. Несомненно, тот считал своим долгом напомнить капитану Лефтрину, что Элис — замужняя женщина. И его упрек достиг цели. Никогда больше они с капитаном не смогут держаться непринужденно. Теперь оба будут постоянно помнить о приличиях. Даже если бы ее муж, Гест, вдруг объявился здесь во плоти и встал между ними, Элис не ощутила бы его присутствие более явственно.

И не смогла бы возненавидеть его сильнее.

Последняя мысль потрясла Элис. Разве она ненавидит мужа?

Она признавала, что он ранил ее чувства, пренебрегал ею, унижал и ей совершенно не нравилось подобное отношение. Но ненавидеть? Элис осознала, что никогда не позволяла себе так думать о муже.

Гест был хорош собой, образован, обаятелен и прекрасно воспитан. Для других. Ей же дозволялось тратить его деньги как заблагорассудится, при условии, что она не станет ему досаждать. Родители считали брак дочери удачным, а большинство женщин завидовали Элис.

А она ненавидит мужа. Вот так вот. Элис некоторое время молча шагала рядом с Лефтрином, пока тот не прокашлялся, нарушая ход ее мыслей.

— Прошу прощения, — машинально извинилась она. — Я задумалась.

— Думаю, от нас мало что зависит, — печально произнес капитан, и Элис кивнула, отнеся его слова к сумятице в собственной душе, однако он продолжил: — По-моему, никто не может помочь коричневой. Она либо выживет, либо умрет. А мы застрянем здесь до тех пор, пока все не решится.

— Так непривычно думать о ней в женском роде. И вдвойне печально, что она больна. Самок драконов осталось слишком мало. Так что я несколько не возражаю. В том смысле, что я не против задержаться здесь.

Элис хотелось, чтобы капитан подал ей руку. Она решила, что не станет отказываться.

Между берегом и рекой не было четкой границы. Грязь постепенно становилась все более топкой и влажной, а потом превращалась в воду. Элис с капитаном остановились у самого края потока. Грязь начала засасывать ее обувь.

— Нам, стало быть, деваться некуда? — проговорил Лефтрин.

Элис огляделась. За спиной остался низкий речной берег с вытоптанной травой, дальше — опушка леса, загроможденная плавником и заросшая кустами, позади которой начиналась уже настоящая чаща. С того места, где они стояли, она казалась неприступной и зловещей.

— Можно попробовать углубиться в лес... — начала Элис.

Лефтрин негромко засмеялся, но особого веселья в его смехе не слышалось.

— Я не то имел в виду. Я говорил о нас с тобой.

Элис заглянула капитану в глаза. Она поразилась откровенности Лефтрина, но затем решила, что искренность — единственная польза от вмешательства Седрика. Теперь им незачем отрицать, как сильно их влечет друг к другу. Элис жалела, что ей не хватает смелости взять капитана за руку. Вместо этого она просто смотрела на него, надеясь, что он сумеет угадать ее мысли сам.

Он сумел — и тяжело вздохнул:

— Что же нам делать, Элис?

Вопрос был риторическим, но она все же решила ответить.

Они прошли еще пару десятков шагов, прежде чем Элис подобрала слова, которые действительно выражали ее чувства. Капитан шагал, уставившись под ноги. И она произнесла, глядя на его профиль, окончательно отдавшись на волю судьбы:

— Делай что хочешь. Чего ты хочешь, того и я хочу.

Не сразу до него дошел смысл ее слов. Ей казалось, они станут для него благословением, но Лефтрин воспринял их как бремя. Лицо его окаменело. Он поднял взгляд. На берегу, неподалеку от них, стоял баркас и как будто глядел на капитана с сочувствием. Лефтрин заговорил, обращаясь к нему, похоже, в не меньшей степени, чем к самой Элис.

— Я обязан поступить правильно, — с сожалением заключил он. — Правильно для нас обоих, — прибавил он со всей окончательностью принятого решения.

— Я не позволю, чтобы меня выпроводили обратно в Удачный!

Капитан кривовато улыбнулся:

— О, ничуть не сомневаюсь, госпожа. Никто не собирается тебя никуда выпроваживать. Куда бы ты ни направилась, ты пойдешь по своей воле или не пойдешь вовсе.

— Просто хотела убедиться, что ты это понимаешь, — откликнулась Элис, постаравшись принять уверенный и независимый вид.

Она потянулась, обеими руками взялась за мозолистую ладонь Лефтрина и крепко стиснула, прислушиваясь к ощущению его грубоватой силы. Капитан в ответ бережно сжал ладонь Элис. А затем отпустил.

Дневной свет казался тусклым. Седрик крепко зажмурился и снова открыл глаза. Не помогло. Головокружение усилилось, и он невольно напарил стенку каюты. Баркас как будто ходил ходуном под ногами, хотя он точно знал, что судно стоит у берега. Где же у этой проклятой двери ручка? Он никак не мог ее разглядеть. Седрик привалился к стене и часто задышал, силясь побороть приступ тошноты.

— Как ты там? — донесся откуда-то сбоку низкий голос, вроде бы знакомый.

Седрик постарался собраться с мыслями. Карсон, охотник. Тот, что с густой рыжей бородой. Вот кто с ним заговорил.

Седрик осторожно вдохнул:

— Сам не знаю. Здесь вообще светло? Все кажется таким тусклым.

— Сегодня ясно, приятель. Солнце шпарит так, что на воду не взглянуть.

В голосе охотника угадывалась тревога. С чего бы? Они ведь едва знакомы.

— А мне мерещится, что сумрачно. — Седрик пытался говорить обычным тоном, но собственный голос казался ему далеким и слабым.

— У тебя зрочки как булабочные головки. Давай-ка обопришь на меня. Устроим тебя на палубе.

— Не хочу я сидеть на палубе, — чуть слышно возразил Седрик, но если Карсон и разобрал его слова, то не обратил на них никакого внимания.

Здоровяк-охотник приобнял Седрика за плечи и мягко, но решительно усадил прямо на грязную палубу. Седрику не хотелось думать, во что превратятся на грубых досках его брюки. Однако мир как будто бы стал раскачиваться чуть меньше. Седрик прислонился затылком к стенке каюты и закрыл глаза.

— Выглядишь так, будто чем-то отравился. Или наглотался какой-то дряни. Ты белый, как вода в реке. Я сейчас вернусь. Принесу тебе попить.

— Отлично, — слабо пробормотал Седрик.

Охотник казался лишь чуть более темной тенью в тусклом мире. Седрик чувствовал, как отдаются в палубе его шаги, и даже от этой слабой дрожи его мутило. Но потом охотник ушел, а Седрик ощутил другую дрожь. Еще слабее и не такую ритмичную, как от шагов. На самом деле это даже и не дрожь, решил он. Но все же нечто — нечто дурное и притом направленное на него. Нечто знало, что он сделал с коричневым драконом, и ненавидело его за это. Нечто древнее, могущественное и темное осуждало его. Седрик зажмурился сильнее, но от этого ощущение враждебности лишь сделалось ближе.

Вернулись шаги, зазвучали громче.

Охотник опустил на корточки рядом с ним:

— Вот. Выпей. Это тебя взбодрит.

Седрик обеими руками взял теплую кружку, почуяв запах дрянного кофе. Поднес к губам, отхлебнул, и глотку обожгло добавленной в питье щедрой порцией крепкого рома. Седрик попытался не выплюнуть пойло прямо на себя, подавился, проглотил и закашлялся. Он сипло задышал и открыл слезящиеся глаза.

— Ну как, полегче? — спросил его этот негодяй.

— Полегче? — гневно переспросил Седрик слегка окрепшим голосом.

Он сморгнул навернувшиеся слезы и разглядел-таки Карсона, сидящего перед ним на корточках. Рыжая борода была

заметно светлее всклокоченной копны волос. Глаза у охотника оказались не карими, а редкого черного цвета. Он улыбался, чуть склонив голову набок. Словно кокер-спаниель, со злостью подумал Седрик и заскреб сапогами по палубе, тщетно пытаясь подобрать ноги под себя и подняться.

— Проводить тебя до камбуза?

Карсон забрал у Седрика кружку, после чего с легкостью подхватил его под мышки и поставил на ноги.

Голова юноши вяло мотнулась.

— Да что со мной такое?

— Откуда же мне знать? — дружелюбно откликнулся охотник. — Может, перебрал вчера вечером? В Трехоге-то тебе могли подсунуть какую-нибудь дрянь. А если затаривался в Кассарике, то отравился наверняка. Они там перегоняют что попало: корни, фруктовые очистки... Обопрись на меня и не рыпайся. Я знал одного парня, так тот пытался гнать спирт из рыбьей кожи. Заметь, даже не из рыбы целиком, а только из кожи. И не сомневался, что получится... Вот мы и на месте. Береги голову... А теперь садись за стол. Тебе надо хоть немного поесть. Пища впитает ту дрянь, которой ты нахлебался, и станет лучше.

Карсон, понял вдруг Седрик, на целую голову выше его. И гораздо сильнее. Охотник провел его по палубе, втащил на камбуз и усадил за стол, словно мать — непослушного ребенка. И его зычный, низкий голос звучал почти успокаивающе, если не принимать в расчет грубоватые слова. Седрик уперся локтями в липкую столешницу и спрятал лицо в ладонях. От вони застарелого жира, дыма и еды ему сделалось еще хуже.

Карсон суетился на камбузе: высыпал что-то в миску, плеснул из чайника кипятку. Выждал немного, потыкал ложкой и поставил угощение на стол. Седрик поднял голову, взглянул на месиво в миске, и его едва не вырвало. Во рту снова появился привкус багряной драконьей крови, а ее запах заполнил ноздри. Седрик едва не лишился чувств.

— Вот, от этого тебе наверняка полегчает, — заявил Карсон. — Давай съешь немного. Чтобы нутро успокоилось.

— Что это?

— Сухари, размоченные в кипятке. Действуют словно губка, если неладно с брюхом или к утру надо быть как стеклышко.

— Выглядит отвратительно.

— Это уж точно. Ешь давай.

Седрик давно не ел, а во рту и в носу до сих пор стояло послевкусие драконьей крови. Хуже уже не будет, решил он, взял большую ложку и помешал мерзкую кашичу.

Ученик охотника, Дэвви, заглянул в камбуз.

— Что стряслось? — спросил он.

В его голосе угадывалась тревога, что несколько озадачило Седрика. Он сунул в рот ложку размоченных сухарей. Никакого вкуса, только текстура.

— Ничего по твоей части, Дэвви, — строго ответил мальчишке Карсон. — А у тебя полно работы. Займись-ка починкой тех сетей. Бьюсь об заклад, мы проторчим здесь до конца дня. Закинем раз-другой сеть по течению — может, рыбы наловим. Но только если починить сеть. Так что за работу.

— А он? Что с ним случилось? — В голосе мальчишки угадывались едва ли не обвиняющие нотки.

— Он болен, хотя тебя это совершенно не касается. Займись делом и не путайся под ногами у старших. Ступай.

Дэвви не то чтобы хлопнул дверью, однако закрыл ее резко, чем следовало бы.

— Мальчишки! — с негодованием воскликнул Карсон. — Воображают, будто знают, чего хотят, но позволь я ему это — что ж, он тотчас же смекнет, что еще не готов. Уверен, ты-то понимаешь, о чем я.

Седрик проглотил липкую массу. Сухари перебили привкус драконьей крови. Он съел еще ложку и только тут сообразил, что Карсон смотрит на него, дожидаясь ответа.

— У меня нет детей. Я не женат, — проговорил он, зачерпывая еще сухарей.

Охотник был прав. Желудок уже успокаивался, и в голове прояснялось.

— Да я и не сомневался, — улыбнулся Карсон, как будто оценил шутку. — У меня тоже никого. Просто мне показалось, что ты маленько разумеешь в мальчишках вроде Дэвви.

— Нет. Ничего подобного.

Седрик был благодарен охотнику за его простецкое лекарство, однако предпочел бы, чтобы Карсон уже заткнулся и ушел. У него и без того голова шла кругом от мыслей. Седрику требовалось время, чтобы во всем разобраться, а не забивать мозги пустой болтовней. Его встревожили слова Карсона об отравлении. О чем он вообще думал, пробуя драконью кровь на вкус? Он не помнил, что заставило его это сделать. Он намеревался лишь взять у этой твари немного крови и чешуи. Плоть и кровь дракона стоят целое состояние, а именно состояния ему и не хватает. Гордиться нечем, но что сделано, то сделано. Выбора у него не было. Они с Гестом смогут вместе уехать из Удачного, только если Седрик накопит достаточно средств. Драконья кровь и чешуя купят ему ту жизнь, о которой он всегда мечтал.

Дело казалось таким простым, когда он украдкой сошел с баркаса, чтобы забрать необходимое у большого дракона. Тварь явно умирала. Какая кому разница, если Седрик возьмет несколько чешуек? Стекланные пузырьки стали такими тяжелыми, когда он наполнил их кровью. Он собирался продать ее герцогу Калсиды как лекарство от болезней и старости. Сам он вовсе не собирался ее пробовать. Он не помнил даже того, как захотел отпить драконьей крови, не говоря уже о том, как действительно на это решился.

Считается, что драконья кровь обладает невероятной целебной силой, но, возможно, как и прочие лекарства, она может стать и ядом тоже. Неужели он действительно отравился? Поправится ли он? Жаль, спросить не у кого... А ведь Элис может знать! Она столько всего прочла о драконах, — наверное, ей известно, как действует на человека их кровь. Только как бы ее расспросить? Так, чтобы не навлечь на себя подозрений?

— Ну что, полегчало хоть немного твоему нутру от этой закуски?

Седрик резко вскинул голову и сейчас же пожалел об этом. На миг его одолело головокружение, но вскоре прошло.

— Да. Да, стало легче.

Карсон сидел напротив Седрика и внимательно разглядывал его. Черные глаза неотрывно смотрели ему в лицо, как будто охотник пытался прочесть его мысли. Седрик снова уткнулся в миску и заставил себя съесть еще ложку месива. Животу оно помогало, но удовольствия от еды не было никакого. Он поднял глаза и опять встретился взглядом с Карсоном, который внимательно наблюдал за ним.

— Спасибо за помощь. Я бы не хотел отрывать тебя от дел. Уверен, теперь я уже справлюсь сам. Должно быть, ты прав, я съел или выпил что-нибудь не то. Так что не стоит обо мне беспокоиться.

— Не беспокойство и было.

И охотник снова замолчал, как будто бы ждал от него чего-то еще. Непонятно только чего. Седрик снова уставился на свою «еду».

— Ну, мне уже лучше. Спасибо.

Охотник все еще медлил, но Седрик решил не отрывать взгляда от миски. Он ел размоченные сухари понемногу, делая вид, будто это занимает все его внимание. Взгляд Карсона беспокоил его. И когда охотник поднялся из-за стола, Седрик подавил вздох облегчения. Огибая стул Седрика, Карсон положил ему на плечо тяжелую руку и наклонился к самому уху.

— Надо нам с тобой как-нибудь побеседовать, — произнес он негромко. — Подозреваю, у нас гораздо больше общего, чем тебе кажется. Возможно, нам стоит больше доверять друг другу.

«Он знает». При этой мысли Седрик едва не подавился размоченными сухарями.

— Возможно, — сумел выдавить он, и хватка на плече ослабла.

Охотник, хмыкнув, убрал руку и вышел на палубу. Когда дверь захлопнулась за ним, Седрик оттолкнул от себя миску и уронил голову на руки.

«Что же теперь будет? — спросил он у окружающей его тьмы. — Что будет?»

Коричневая драконица казалась мертвой. Тимаре хотелось подойти поближе и убедиться, однако золотистый страж пугал ее. Меркор сидел почти неподвижно с тех пор, как она в последний раз проходила мимо них. Сейчас взгляд черных глаз сосредоточился на ней. Дракон не заговаривал, однако она ощутила его мысленное отторжение.

— Я просто беспокоюсь о ней, — произнесла Тимара вслух.

Сильве дремала, приткнувшись к передней лапе своего дракона. Услышав голос Тимары, она открыла глаза. Виногато покосилась на Меркора, а затем подошла к девушке.

— Он полон подозрений, — пояснила она. — Считает, что кто-то нарочно навредил коричневой драконице. Так что он стоит на страже, чтобы защитить ее.

— Защитить или первым съесть, когда она умрет? — Тимаре удалось произнести вопрос так, чтобы он не прозвучал обвинением.

Сильве ничуть не оскорбилась:

— Защитить. Он видел смерть столько драконов с тех пор, как они вышли из коконов. Самок осталось так мало, что даже чахлаю и ущербную разумом следует беречь. — Сильве неловко фыркнула и прибавила: — Прямо как у нас.

— Что?

— Как у нас, хранителей. Среди нас всего четыре женщины, остальные мужчины. Меркор говорит, какими бы убогими мы ни были, мужчины все равно должны нас беречь.

Тимара лишилась дара речи. Она невольно подняла руку к лицу, дотронулась до чешуек, покрывающих нижнюю челюсть и скулы. Обдумала возможные последствия, но все-таки решила быть откровенной.

— Сильве, мы не вправе искать супругов или любовников. Мы все знаем правила, даже если Меркор их не знает. Дождевые чащобы отметили большинство из нас еще при рождении, и все мы помним, что это означает. Короткую жизнь. Если мы зачнем, почти никто из детей не выживет. Таких, как мы, оставляют умирать сразу после рождения. Все мы понимаем, зачем нас отобрали для этой работы. Не только для того, чтобы ухаживать за драконами. Но и чтобы заодно избавиться от нас.

Сильве окинула Тимару долгим взглядом и спокойно ответила:

— Это правда, точнее, прежде это было правдой для нас. Но Грефт считает, что мы можем изменить правила. Он говорит, когда мы доберемся до Кельсингры, она станет нашим городом, где мы сможем жить вместе с драконами. И там мы заведем собственные правила. Насчет всего.

Тимара ужаснулась легковерию девочки:

— Сильве, мы ведь даже не знаем наверняка, существует ли до сих пор Кельсингра! Скорее всего, она погребена под землей, как и прочие города Старших. Честно говоря, я никогда не верила, что мы доберемся туда. Мне кажется, лучшее, на что мы можем надеяться, — это отыскать место, пригодное для жизни драконов.

— И что потом? — возмутилась Сильве. — Оставим их там, а сами вернемся обратно в Трехог? Ради чего? Чтобы снова жить украдкой и стыдясь, постоянно извиняясь за свое существование? Я не хочу этого, Тимара! И многие хранители со мной согласны. Где бы ни осели драконы, там останемся и мы. Значит, у нас будет новый город. И новые правила.

Внимание Тимары отвлек громкий хруст. Они с Сильве разом обернулись и увидели, как потягивается Меркор. Он поднял золотистые крылья и расправил их во всю ширь. Тимару поразило не только то, какие они огромные, но и рисунок в виде глаз, словно на перьях у павлина. Дракон еще раз встряхнул ими, обдав ее резким порывом ветра и драконьего запаха. Складывал он их неуклюже, как будто раньше и не пробовал ими шевелить. Он плотно прижал крылья к спине и снова замер на своем посту над коричневой.

Тимара внезапно осознала, что Меркор с Сильве обмениваются мысленными репликами. Дракон не издал ни звука, однако она что-то ощутила, хотя никто не вовлекал ее в разговор. Сильве подняла на нее извиняющийся взгляд.

— Ты пойдешь на охоту? — спросила девочка.

— Наверно. Вряд ли мы сегодня двинемся дальше.

Тимара старалась не думать об очевидном: пока коричневая не умрет, они с места не тронутся.